

ни, со всеми онегами. Этот идеал доступен не воину, но—могущий вместиТЬ в себя.

Обыкновенно, в среднем обывателя, дЬю обстоит гораздо скромнее: вЬскою должно быть блоговь, да икорника, да смужка, да разные соленья, да маринада, да ложки ле-тия, касторового масла для заваривания—вот скромный цикл различного громаднымъ большинствомъ годо-ти.

Но кроме скромного среднего обывателя есть еще обыватель не скромный, забытая головушка, для которых Жатины, Крейберг, Ольшевские и прочие съехали мастерами, да магометовъ, да гурами и всмъ, до магометова раз от-носимися.

Летить эти милье прожигатели жизни въхърь по Сумской, въ край, где все обильемъ дышатъ*, а Иваны, Крейберг и Ольшевский потягивают руки и приговариваются:

— Жить, а маслиница...

Не жить, а маслиница—должен говорить г. Днівський, который въ четверть, четвертаго февраля, прошуя знаменитость. На-канунъ онъ спѣлалъ пасху, получив трибунъ, въщелъ въ моду и не одинъ альбомъ украсилъ его фотографическими карточками.

Мы отъ души радуемся успѣху г. Днівскому, но не съусыемъ ему особенно предавать маслиничному настроению. Дѣло въ томъ, что, фо-доръ възникъ показалъ только чмъ можетъ быть г. Днівський, но не то, что онъ съѣлъ, и, кажется, не столько аристо до пола, сколько роль подошла къ аристу. Но крайней мѣръ, исполнение имъ Федора относится къ исполнению другихъ ролей, какъ путь къ тремъ.

Въпрочемъ, побѣдителей не судятъ. Девять полныхъ представлений пьесъ въ течениѣ наихъ либо двухъ недель у насъ, въ Харьковѣ—это фактъ, олицетворяющій, передъ ко-рой остается только поклониться.

Представера я быль на бенефисѣ этого „трехдѣйствія удали“ Ан-шлагъ, выѣхавшій за цѣлью сутки, серебряный вѣнокъ, адресъ, по-дартокъ, овощи—все это заставляетъ сказать:

—Дано любопытно ви, а слушите не-дамъ».

Не жить, а маслиница—говорятъ Александръ Николаевна Дюко-ва, глядя на публику, которая ломитъ ся въ театрѣ, чтобы взглянуть на Федора.

Кончишающимъ сезонъ неизѣль называетъ себѣ блестящимъ, но явился Федоръ—и все перемѣнилось. И Александра Николаевна, сидя въ дирек-торской ложѣ, думаетъ:

— Вотъ какъ всегда такъ... Не жить, а маслиница...

Маслиница—прекрасное время. Ога-не грохнѣтъ бѣдами (выѣхавшія на мас-линицу неизѣль), она обѣщаетъ море радости. На маслини устраиваются концерты. Кстати о концертахъ.

Въ залѣ дворянскаго собраний зале-татъ дивная маслиница, обладающая соловьевыми голосами. Это Гольден-Дона. Ей рѣшительно не могутъ слушать безъ восторга эту удивительную пѣвицу, въ горьѣ которой помѣщаются золотые прѣки. Когда М. И. До-лина, въ костюмѣ Вана, поетъ: „Го-лос мой, какъ колоколъ“, и вслѣдъ появляется этимъ удивительнымъ сре-пѣемъ. Да, это дѣйствительныя коло-колы, магниты, густые звуки ко-тораго свободно несутся наружу въ волнахъ. Въ эту торжественную, словно благовѣщеніе, звуки миѳиотъ свой характеръ, становятся слытными и рѣдкостными и отъ нихъ вѣтъ раз-деляютъ счастьемъ, солнцемъ и сѣ-хомъ. Вѣтъ, дается же чѣлобитъ та-кая вѣсть надъ людьми: Эта неболь-шого роста полная женщина завоева-ла уже Россию, полонила друже-ственное Францію, теперь собирается по-корить Германію. И что противъ это-слыши подѣляютъ всѣ, брошеносные ку-лаки міра?

26 февраля въ томъ же залѣ дво-риканская собрания состоятъ концерты кружка мандолинистовъ.

Этотъ кружокъ, помимо своихъ музыкальныхъ талантовъ, отличается отъ мѣстныхъ прѣстѣствіями какъ-то, вѣтъ такого учреждѣнія, вѣтъ пульы котораго не звѣнѣтъ бы слад-кими перелетами его мандолинъ. Ман-долины были неутомимы, когда при-ходили звѣнѣть и рожкотать на полу-блажнико.

Съ благотворительной цѣлью ма-динны пришли тридцать концертовъ, всѣдѣ привлекали публику и стяжали себѣ популярность.

Но—господѣ!—вѣдь и мандолинѣ требуютъ расходовъ, мандолинамъ нуж-ны струны, бѣлыя галстуки. И вотъ, мандолинѣ даютъ концерты въ свою пользу. Помимо эстетическихъ вѣ-ровъ, въ этотъ концертъ должно по-тупить просто по чувству справедливости. Озадачивъ мандолинъ на стру-ны и они снова захвѣтываютъ въ имъ благотворительности...

Honunculus.

ражъ новогоднихъ выигрышъ: онъ занялся этимъ отѣлью, съвидѣлъ счастливъ.

Можетъ быть и съѣдѣа наша, что ти-будь выиграла?... подумать оно про-тѣмъ, кстати вспомнивъ пѣвичку припомнила номеръ ея билетъ, стѣль искать егъ недовѣрѣемъ въ столь-кихъ перелетахъ его мандолинъ. Ман-долины были неутомимы, когда при-ходили звѣнѣть и рожкотать на полу-блажнико.

Съ благотворительной цѣлью ма-динны пришли тридцать концертовъ, всѣдѣ привлекали публику и стяжали себѣ популярность.

Иванъ Ивановичъ обрадо-точно варомъ и, страшно проговоривъ, онъ гордово хватился за грудь, то-ко-но его колено.. Нашаузъ записанную книжку, онъ быстро выхватилъ ее изъ кармана и, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, сталъ порыкасто, отъ не-желания писать, настѣнно.

Иванъ Ивановичъ, онъ пра-ложилъ ей къ гѣзѣ, сѣялъ съѣ-ть, на которой упѣлъ выигрышъ: онъ не могъ быть никакими. Сомнѣв-шись, что ти-будь выиграла, Крупинъ кали погнали покрыть на лбу Ивану Ивановну и дышалъ онъ тѣже-лико и громко, какъ паровозъ. Вотъ, на-конъ, когда подѣялось на него от-вѣтъ, что ти-будь выиграла:

— Ахъ, это я приговариваю, что ти-будь выиграла, съѣдѣа наша, что ти-будь выиграла?... подумать оно про-тѣмъ, кстати вспомнивъ пѣвичку припомнила номеръ ея билетъ, стѣль искать егъ недовѣрѣемъ въ столь-кихъ перелетахъ его мандолинъ. Иванъ Ивановичъ казалось ему это чрезвычайно приключилось, не знаешь?

Что съ тобой?.. изумлено вос-клинувъ Пьеръ, не получивъ отъ него отѣтъ, сказалъ въ сторону ар-миина, несправившагося отъ изумленія, а глаза были такъ идѣотски вытара-ны въ одну точку, что армиина Пьеръ невольно обратилъ на него внимание:

— Что съ тобой?.. изумлено вос-

клинувъ Пьеръ, не получивъ отъ него отѣтъ, сказалъ въ сторону ар-миина, несправившагося отъ изумленія, а глаза были такъ идѣотски вытара-ны въ одну точку, что армиина Пьеръ невольно обратилъ на него внимание:

— Ахъ, это я приговариваю, что ти-будь выиграла, съѣдѣа наша, что ти-будь выиграла?... подумать оно про-тѣмъ, кстати вспомнивъ пѣвичку припомнила номеръ ея билетъ, стѣль искать егъ недовѣрѣемъ въ столь-кихъ перелетахъ его мандолинъ. Иванъ Ивановичъ казалось ему это чрезвычайно приключилось, не знаешь?

Онъ былъ такъ пораженъ въ са-

мъ, что не удавился бы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа наша, всѣ равно, что

можетъ ходить на головахъ, то и

такъ и плюхнется на головы.

Съѣдѣа

